

ВГЛЯДИСЬ В СЕБЯ

МАИ сорок второго. На аэродромное поле ночного бомбардировочного авиаполка, приткнувшись у молчаливой лесной опушки, опускались сумерки.

Самолет-разведчик Р-5, покачивая туго натянутыми матерчатыми крыльями, вырывается на взлетную полосу. Пилот, лейтенант Алексей Кафтайлов и штурман Юрий Опарев уходят в свой сто пятый боевой вылет. Под крылом сверкнул зигзаг железнодорожной магистрали Москва—Ленинград. Машина взяла курс на запад.

Выпускник Пермского летного военного училища Алексей Кафтайлов до войны служил инструктором в одной из авиачастей Омска. Налетал в сибирском небе не одну сотню часов. В свои 23 года был он опытен, атлетически строен и силен, обладал жестким характером. Его напарнику, младшему лейтенанту Юрию Опареву, шел девятнадцатый год. Прибыл на передовую из училища. За дело взялся круто. Энергичен, горяч. Даже слишком. Налицо характеры разной полярности. Но время военное, и думать о психологической совместности некогда.

Комсомольский экипаж Кафтайлов—Опарев успешно нес свою суровую службу. Далеко за полночь, когда на землю опускается относительный покой, с борта легкого Р-5 в расползшиеся противника прицельно ложатся авиабомбы, сея смерть и смятение. Десятки раз экипаж доставлял в штаб полка ценные разведданные.

А вот однажды... Выполнив очередное задание, шли обратным курсом. Вдруг тревожный голос штурмана: — Внимание, товарищ лейтенант, сзади «мессер»!

В задней кабине резанули воздух спаренные пулеметы. Стервятник небрежно ответил короткой очередью и стал заходить для верного удара. Используя преимущество «мессера» в скорости, в момент встречи с грозным противником Кафтайлов резко увел самолет в сторону. Получив не один десяток пробоин, Р-5 на бреющем полете благополучно дотянул до своих. После приземления штурман Опарев горячо утверждал, что «мессеру» тоже придется дырки латать.

И вот сто пятый вылет. Ровно гудит мотор, унося самолет в бездонную пропасть белой ночи. Сегодня в полетном листе одна лаконичная строчка: «Слежение за передислокацией войск противника».

Лейтенант Кафтайлов сомкнул на переносные густые брови. Строгие, почти неподвижные черты делают лицо непроницаемым. Поди разберись, что на сердце у человека. А на сердце у Алексея

сегодня было светло. Утром получил долгожданное письмо из Омска от супруги Ольги. Поженились они перед самой войной. Присмотреть друг к другу не успели — расставание. Фотокарточка Ольги с надписью: «Пусть всегда буду рядом» была сейчас в верхнем левом кармане пилота. У самого сердца.

вольвер. Но вот в личном оружии остался по одному единственному патрону.

— Ну что, товарищ лейтенант, стреляться будем?

— Бросай оружие, — с какой-то непонятной злостью рявкнул Кафтайлов. — Еще поживем, повоюем.

На востоке занималась заря нового, 16-го дня мая.

ПОСЛЕ первого же вопроса друзей разлучили. Алексей попал в лагерь Саласпиле под Ригой. Мозг упрямо пронизывала одна единственная мысль: бежать, только бежать. В конце августа, поздним вечером колонна пленных возвращалась с работы. Узники были обуты в липовые дощатые колодки. Обессилевшие люди едва передвигали их по грязной, ухабистой дороге. Над головами пленных висело густое облако пыли. Алексей Кафтайлов брел в крайнем от боины ряду. Впереди кто-то упал. Шум, сутолока, отборная брань и беготня конвоиров. Алексей упал на обочину и незаметно скатился в высокий придорожный бурьян. Замер. Отчаянно колотилось сердце. Всю ночь брел на восток. Днем прятался в лесу. С наступлением темноты шаггал дальше. Колодки зако-

Хорошо помнит Алексей, как в шумной ватаге ребятшек мчался в поселок «Березки», чтобы посмотреть живого летчика. Часами лежали в бурьяне, не шелохнувшись, чтоб хоть на миг увидеть человека в синем комбинезоне, которому подвластно небо. Молодежь буквально штурмовала школу и аэроклуб. Когда на учебу в аэроклуб поступал Кафтайлов, вместо ста человек по норме пришлось более полутысячи. Никаких конкурсов не устраивали, никого не прогоняли. Просто шел естественный отбор. Алексей хотел летать. Очень. Работал и старательно учился. Здесь, у легендарной Магнит-горы комсомолец Кафтайлов впервые поднялся в небо.

...ЗА ШИРОКИМ, огненным поясом войны бесконечно далеко осталась родная Магнитка. Здесь, в застенках фашистского лагеря смерти судьба сопровождала Алексея по самой крошке человеческих возможностей. Три недели одиночества в темном каменном мешке, питание — тарелка-балабанды раз в три дня, надломленные силы и моральное состояние узника! У него начались обмороки. Товарищи по нес-

настроение от сталинградских вестей было приподнятым. Удобная поза и уж очень благодушный вид русского обозлили охранника. Пинком он выбил ящики из-под работающего. Кафтайлов рухнул на землю, расцарапав в кровь лицо. Устают от всего, даже от страха, Алексей схватил обломок трубы и огрел по спине ухмыляющегося охранника. Подбежавшие солдаты в один миг заломили ему руки назад и скрутили голым проводом.

Вели на допрос через весь город. На окраине завели в небольшое барачное типа здание. Окна без стекол, с решетками. Алексея развязали, приказали раздеться. Вышел здоровенный немец с тупым, холодным взглядом. В руках у него был тяжелый, сдвоенный обрывок кабеля. Не разговаривая, он со всего маху резанул подследственного по спине. Опустился тяжелый хлыст и стал жадно, когда жертва попросит пощады. Кафтайлов молчал. Еще удар. Молчание. У немца заходили желваки. Он часто-часто, словно заводной робот, начал хлестать Алексея. Широко расставив ноги, обливаясь кровью, русский продолжал

сея. Нет, не думал он, что здесь, на родной земле, судьба вновь нанесет ему удар в самое сердце.

В МАГНИТКУ Алексей Петрович Кафтайлов вернулся в декабре сорок пятого. Как он сам выразился, надо было догонять жизнь. Поначали работать в Осовиахиме инструктором, позднее — начальником детской спортивной школы в ремесленном училище. Через год женился. Денег не хватало. Вычитал в объявлении о приеме на курсы агломератчиков. Зарплата солидная. Пошел посмотреть, с чем ее, эту агломерацию, едят. Понравилось. В мощном рокоте эксгаустеров, создающих разрежение на агломашинах, уловил от дух авиации, которой оставался преданным до конца.

Алексей Петрович не хотел быть просто рабочим, он хотел стать мастером выбранного им дела. Учился он не ради оценки, много читал, лез в самые дебри сложного агломерационного дела. Через 2 года, в октябре 1949-го, старшему агломератчику Кафтайлову присваивают десятый разряд — наивысший по профессии. А в феврале следующего года в горном управлении вышла показательная карта с описанием опыта его работы.

— Постоянно я бегом гнался за жизнью, все боялся опоздать, — размышляет Алексей Петрович. — Не используя тогда, в сорок втором, того последнего патрона, я постоянно носил на душе непомерную тяжесть — оправданно ли живу в этом мире, завоеванном в смертельной схватке с фашизмом.

КАФТАЙЛОВ идет в вечернюю школу. Через три года, на 43-м году жизни — аттестат без единой тройки. Он внес много нового в совершенствование технологии. На аглофабрике плохое шло процесс заживания шихты. Алексей Петрович просчитал, что процесс будет идти стабильнее, если заменить газовую магистраль на трубы меньшего диаметра. Заменяли. Эффект — что надо. Начальник фабрики Н. И. Топоров оформил рапорт на повышение, ведь за это деньги немалые причитаются. Старший агломератчик отказался, сказав, что зарплату за это получает.

В 1966 году Алексею Петровичу Кафтайлову вручили орден Ленина. В том же году избрали депутатом областного Совета народных депутатов. Через два года в коллектив аглоцеха приходится рекомендация облсплкомка: «Работал отлично, просим избрать на новый созыв». В душе и делах своих Кафтайлов всегда был коммунистом. Исполнил заветную мечту — вступил в партию Ленина за два года до ухода на заслуженный отдых. Все грызли сомнения — достоин ли?

ВСЮ жизнь вела судьба Алексея Петровича по самой кромке пропасти, за чертой которой мрак неизвестности. В феврале этого года выше колена ампутировали левую ногу. Причина заболевания — травма головы, полученная в сорок третьем.

На столе перед Алексеем Петровичем стопка густо написанной бумаги, модель смесителя, макеты агломерационного оборудования.

— Вот пробую решать проблему, использования энергии отходящих аглогазов.

Человек нелегкой судьбы, коммунист Алексей Петрович Кафтайлов не склонил голову перед тяжелым недугом. Он по-прежнему в строю, с думой и заботами о советской Родине, отмечающей свое славное семидесятилетие.

М. ГОРШКОВ.

СУДЬБА

Когда в штабе получал полетный лист, один знаковый капитан осторожно, оборонил:

— Готовь, лейтенант, дырку для орлена.

Ог честолюбия Алексей был далек, но шансу получить заслуженную награду, обрадовался. Размышления пилота прервал звонкий голос штурмана, напомнивший о пересечении линии фронта.

Заморосило. Видимость ухудшилась. Как раз в этих координатах должны быть новые вражеские позиции. Тихо на земле — ни струйки дыма, ни огонька. Самолет делает круг и резко снижает высоту. Это прием для слабонервных. Ага, клоуны фрицы. Под крылом сверкнул огонек выстрела. Вот еще один. Зайскрилась целая огненная цепочка. Штурман торопливо заносит на карту координаты вражеских позиций. Горючее на исходе. Р-5 берет курс на восток. До аэродрома пятнадцать минут хода. Все складывается для экипажа удачно. Но что это? Двигатель начал трещать обороты. Алексей тянет ручку управления на себя. Бесплезно. Обороты падают, падает и высота. В нос резко ударило запахом бензина. Перебит бензопровод. Впереди замаячила темная кромка леса. Треск. Самолет целится колесами за кроны деревьев.

— Живо ракету, — кричит Кафтайлов штурману. Осветительная ракета на миг вырвалась из темноты кусочек небольшой поляны. Пространства для посадки не хватило. Самолет обломал крылья и врезался в ствол дерева. Фюзеляж между кабинами переломился. Экипаж, получив ушибы и ссадины, с трудом выбрался из-под обломков самолета. Утопив в болотной жиже планшет с разведанными, ринулись на восток. Впереди за деревьями послышался лай собак и немецкий говор. Взяли в сторону — навстречу фашисты с собаками.

Все, кришка. Младший лейтенант Юрий Опарев, тяжело припадая на левую ногу, на ходу выхватил ре-

пал. Разбитые в кровь ноги потеряли чувствительность. Резало живот с голодухи.

Смеркалось. Наступала пятая ночь пути. В комок сжималось холодное, как лед, сердце. «Неужто дойду, неужто конец страданиям моим?» Торопился лейтенант Кафтайлов, ведь по расчетам недалеко уж до переднего края. Идет по узенькой, еле проторенной тропинке, ветви еловые раздвигает. Откинул очередную ветвь и... На небольшой прогалине телега и четверо польских солдат. Передний клацнул затвором:

— Стой! Кто такой, откуда?

Потрясенный Алексей застыл, как изваяние. Потом, словно подстреленный, во весь рост повалился в некое траву. Сзади в просвете меж стволами тихо угасала вечерняя заря.

Как возвращали в лагерь, Кафтайлов не помнит. За побег — карцер. Ширина — метр, длина — два метра, до потолка тоже около двух. По размерам — могила. Бетонный пол песочком присыпан — чтобы спать мягче было.

ГОВОРЯТ, в дни суровых испытаний человеку снится самое сокровенное, о чем исстрадавшая душа. В тяжелом забытье Кафтайлову снилась Магнитка: длинный-предлинный барак у самой горы. На низеньком порожек перед широкой дверью рано поседевшая мать.

Магнитка... Здесь в большой рабочей семье прошли светлые годы детства и отрочества Алексея Кафтайлова. В школе учился хорошо, но младшие братишки и сестренки требовали материального подкрепления. После шести классов пришлось пойти в фабрично-заводское училище на автослесаря. Получив аттестат об окончании, работал на автобазе комбината, потом в основном механическом цехе.

Гремел тогда, в середине 30-х годов, призыв «Комсомол — на самолет!». Каждый падал пересчитывая годы по пальцам, чтобы подрасти скорее и пойти в аэроклуб,

частью уберегли его от лагерных «медиков», поддерживали — кто корочкой хлеба, кто кусочком бьюквы.

Потом группу узников, в которую попал Кафтайлов, погнали на Запад. Ненадолго останавливались в лагере неподалеку от польского города Лодзь. В начале сорок третьего попал Алексей в лагерь для военнопленных в самой Германии, под городом Зоннеберг. В переводе на русский — солнечная гора.

Лагерное начальство провело перерегистрацию профессиональных навыков узников. Кафтайлову записали, что знаком со слесарным и токарным делом. Ходили слухи, что работающих на станках лучше кормили, да и работа была не ломовая. Алексею дали чертеж, заготовку. Работа была пооперационной, на всех станках точили какой-то небольшой шкив. Бегло знакомство со станком — и вот уже из-под резца задымилась тонкой спиралью светло-лиловая стружка.

— Стоп. А если это шкив к танку, или к какому-то другому оружию войны? — больно кольнула мысль Алексея. Резец резко пошел вглубь заготовки. Мастер замерил деталь и больно ткнул ею в подбородок токаря.

— Зер шлехт, — процедил он сквозь зубы.

Шкив со звоном полетел в брак. На другой день Кафтайлов выполнял тяжелые земляные работы.

ЗОННЕБЕРГ — Солнечная гора. Нет, не доходило с этой горы солнечное тепло до лагеря. Били здесь за то, что ты хмурый, за то, что улыбулся. Били за то, что ты русский. Зимой сорок третьего военнопленных обогрел луч, пробившийся с востока. До лагеря дошла весть о разгроме немцев под Сталинградом.

12 февраля Алексею Кафтайлову исполнилось 24 года. Он получил задание — покрасить ряд труб. Для удобства наставил один на один несколько пустых ящиков. Расселся поудобнее, стал красить. Погода ясная,